

Список использованных источников

1. *Fraser, D. A* “practical” ethic for animals / D. Fraser. – Journal of agricultural and environmental ethics. – 2012. – № 25(5). – P. 721–746.
2. *Anderson, S.* Animal ethics between theory and praxis: exploring differential ethical standards toward wildlife / S. Anderson. – Second cycle, A2E. Uppsala: SLU, Dept. of Urban and Rural Development, 2016. – 32 p.
3. *Татаркина, Н. Е.* Есть нельзя любить: ситуативная этика в отношении к животным (на примере сотрудников австрийского убежища для животных): магистерская диссертация по направлению подготовки: 46.04.03 – Антропология и этнология / Н. Е. Татаркина. – Томск: [б.и.], 2021. – 119 с.
4. *Бусыгина, Н. П.* Типология практик и ее значение для их доказательного обоснования и экспертной оценки [Электронный ресурс] / Н. П. Бусыгина, Т. Г. Подушкина, А. В. Засимова // Социальные науки и детство. – 2022. – Т. 3. – № 2. – С. 10–23.
5. *Дьяков, А. А.* Теория практик: социально-философский потенциал концепции / А. А. Дьяков // Изв. Саратов. ун-та Сер. Философия. Психология. Педагогика [Электронный ресурс]. – 2011. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-praktik-sotsialno-filosofskiy-potentsial-kontseptsii>. – Дата доступа: 22.06.2023.
6. *Глушко, И. В.* Социальные практики как социально-философская проблема / И. В. Глушко // Научно-методический электронный журнал «Концепт» [Электронный ресурс]. – 2018. – № 2 (февраль). – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2018/183006.htm>. – Дата доступа: 19.09.2023.
7. *Павлова, В. В.* Место и роль философского подхода в этике отношения к животным / В. В. Павлова // Научные труды Респ. ин-та высш. шк. Философско-гуманитар. науки: сб. науч. статей. / редкол.: В. А. Гайсёнок [и др.]. – Вып. 22. – Минск: РИВШ, 2023. – С. 202–208.

(Дата подачи: 15.02.2024 г.)

Ю. П. Середа

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск

Y. Serada

The Institute of Philosophy of The National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk

УДК 331.5:[338:004]

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДА В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

TRANSFORMATION OF WORK IN THE CONTEXT OF DIGITAL REALITY: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS

В статье анализируется специфика динамики трудовой сферы в контексте формирования новых социально-экономических условий. Трансформационные процессы цифро-

визации рассмотрены как катализаторы изменений и для основных социальных сфер, и для индивидуально-личностного уровня. Среди наиболее значимых выделены следующие тренды трудового процесса: индивидуализация трудовой сферы, мобильность труда, неустойчивая мотивация трудовой деятельности.

Ключевые слова: социальная система; сфера труда; социодинамика; цифровизация; трудовой процесс; кризис труда; посттрудовое общество; прекаризация; социальное взаимодействие.

The specifics of the dynamics of the work sphere in the context of the formation of new social and economic conditions are analyzed in the article. The transformational processes of digitalization are considered as catalysts of change both for the main social spheres and for the individual and personal level. Among the most significant in the work process the following trends are highlighted: individualization of the work sphere, work mobility, unstable motivation for work.

Keywords: social system; work sphere; sociodynamics; digitalization; work process; work crisis; post-work society; precarization; social interaction.

В условиях набирающей обороты альтернативности современного мира феномен труда претерпевает кардинальные изменения, которые отражаются в новых социальных и общекультурных контекстах функционирования общества. В этой связи определение перспектив трансформации трудовой сферы и возможностей изменения отношения к труду в будущем представляется одним из актуальных исследовательских направлений современной социальной теории. Сегодняшняя амбивалентная ситуация в сфере трудовой деятельности, ее организации и управлении во многом представляется специфической и противоречивой, особенно на фоне дискуссий о конце труда в его классическом понимании как фактора, директивно влияющего на человека и его сознание, на процессы его жизненного целеполагания и ценностно-смысловые приоритеты.

В истории философской и социальной мысли тематизация труда, его предметное осмысление и общекультурная оценка как важнейшего феномена человеческого бытия занимает особое место. В целом динамическая историческая хроника демонстрирует амбивалентное отношение к труду, человеческой занятости и работе как таковой. Необходимо понимать, что трудовая деятельность как процесс человеческого порядка во многом представляется объективно когерентной и взаимно синхронизированной с параллельными структурными трансформациями социальной реальности. Наиболее существенные изменения в отношении к труду связаны со множеством факторов, включая специфику исторического этапа развития и скорость социальных изменений, социально-политический строй национальных государств, влияние религиозных мировоззрений, демографические тенденции, ценностно-культурные установки, уровень образования, особенности семейных и межличностных отношений и т. д.

В самом широком общефилософском значении труд как феномен человеческого бытия интерпретируется как «целесообразная деятельность человека, рассматриваемая: 1) под углом зрения обмена человека с приро-

дой – в таком случае в труде человек при помощи орудий труда воздействует на природу и использует ее в целях создания предметов, необходимых для удовлетворения своих потребностей; 2) под углом зрения социально-исторической ее формы. В таком случае он предстает в социальных утопиях как преходящая форма деятельности» [1, с. 117]. В данном контексте именно акцентированная целенаправленная структура трудовой деятельности представляется важнейшей детерминантой, с помощью которой понимание труда закрепляется в общественном сознании и продвигается как исключительно человеческая ценность и общественная добродетель. Если предпринять попытку теоретически обобщить наработанный к сегодняшнему времени корпус знаний, то в исторической ретроспективе труд, трудовые отношения в совокупности являлись своего рода смысловым и мотивационно-ценностным «мерилом» того, что представляет собой сам субъект, как он встроен в систему общественных отношений, какой у него гражданский и социальный статус, интеллектуальный и культурный капитал, его личностная идентичность, успешность/неуспешность его индивидуальной биографии. Можно сказать, что труд, интерпретируемый в общественном сознании в качестве важнейшей социальной детерминанты, «политически санкционируется, экономически поощряется, юридически и этически легитимируется. Вне его жизнь человека не мыслится как «нормальная» и социально приемлемая. При этом под трудом понимают, главным образом, регламентированную профессиональную деятельность, связанную с производством и потреблением. Вменяемой человеку в обязанность трудовой деятельности противопоставляется все непосредственно к ней не относящееся, считающееся второстепенным, случайным, производным, в первую очередь – досуг» [2]. Иными словами, обозначенный вектор ориентации любого труда на целесообразность (как само собой разумеющуюся характеристику) представляет собой строго очерченную рамку изначальной нормированности и закреплённости этого феномена в структурах не только общественного сознания, но и на индивидуально-субъективном уровне человеческого бытия.

Социально-философская аналитика труда неизбежно нюансирована всем вышеотмеченным и не является зафиксированной в одном единственном варианте, например, в форме чрезмерного трудоцентризма индустриальной эпохи или, наоборот, презрения к труду (как к производительной, физической деятельности, не досугу) во времена Античности. Греки заложили основания концепции демаркации труда по степени свободы и несвободы субъекта, по ценности самих социальных (общественных) практик и различию в социальном статусе. Так, «производительный труд, как и всякая вообще неполитическая, необразовательная и нетворческая хозяйственная деятельность, презирался греками, считался занятием недостойным, унижающим человека» [2]. В Средневековье отношение к труду во многом характеризовалось лишь как вынужденная социальная практика в целях обеспечения выживания, но ни как производительная деятельность. Идеал созерцательной жизни («*vita contemplativa*») был абсолютным образцом для

христианской этики. Наибольшее значение трактовка именно производительного труда получила, начиная уже с эпохи Реформации и далее в Новом времени с беспрецедентным воздействием на западноевропейское общество идеологии трудоцентризма и протестантской этики и ее главным субъектом – homo faber – человеком трудящимся и только поэтому достойным получить материальные и духовные блага. Российская исследовательница Т. Ю. Сидорина отмечает, что классическое отношение к труду находит свое выражение в социально-утопических проектах этого исторического периода: «В утопиях Позднего Возрождения и Нового времени труд в условиях отсутствия частной собственности, равного распределения и разделения обязанностей по преумножению общественного богатства предстает в качестве основного источника существования» [3, с. 138]. В теории социальной философии, начиная с конца XIX в., можно говорить о двусторонней тенденции: с одной стороны, усиливающегося трудоцентризма и, с другой – более явного утилитаристского подхода к трудовым отношениям. Во многом именно поиски оптимального соотношения утилитарного и неутилитарного модуса человеческой жизни способствовали экспликации латентной амбивалентной природы феномена труда, влекущей за собой новые контексты и возможности так называемой «денатурализации» труда как понятия с кажущимся самоочевидным и однозначным смыслом.

Сегодня ценностно-нормативный образ труда, сформированный в предыдущие эпохи, претерпевает колоссальные изменения, в том числе трансформируется идеологическая компонента интерпретации труда как базовой характеристики ответственного гражданина. При этом, можно сказать, что индивид, включенный в процессы трудовой занятости, оказывается в крайне уязвимом положении. Так, справедливо отмечено, что «немедленным последствием хрупкости и шаткости социальных положений, которые может предложить так называемый рынок труда, является глубинное изменение отношения к самой идее «работы» – и в особенности постоянной работы, безопасной и надежной, определяющей социальное положение и жизненные перспективы человека» [4, с. 254]. В современных обществах преобладает определенно утилитарный подход, согласно которому, чем большую пользу и/или выгоду может принести работа, тем лучше и выше она оплачивается. Ценность труда при этом определяется логикой функционирования цифрового капитализма и экономическими запросами, сформированными в рамках конкурентной борьбы основных экономических стейкхолдеров. В самом общем смысле цифровая экономика характеризуется такими основными чертами, как отсутствие необходимости географической локализации трудовых мест, платформенность, сетевизация, алгоритмизация и глобальная датификация [5]. Все эти процессы являются фундаментальными не только для реализации ключевых целей цифровой экономики, но и становятся главными факторами развития и функционирования цифрового общества.

В этой связи одной из наиболее значимых тенденций в структуре трудовой занятости является уже явная деформация ранее сложившейся трудовой

модели и формирование новой социальной группы – прекариата, которую некоторые исследователи классифицируют в качестве социального класса как «класса для себя» в обществах будущего. Идея прекаризации разработана профессором и исследователем в области экономики труда Г. Стэндингом. Он эксплицировал особенности прекарной (временной) модели трудовой занятости как нового глобального процесса в условиях нарастающей общемировой неустойчивости и укрепления в современных реалиях неолиберального (цифрового, платформенного) капитализма в качестве магистральной формы социально-экономических отношений [6]. Г. Стэндинг ввел неологизм «прекариат», чтобы описать и детализировать формирующийся новый класс работников, чей труд является низкооплачиваемым, а сама трудовая занятость характеризуется временным форматом, отсутствием социальных гарантий, прежде всего, в результате последствий стремительной структурной трансформации глобального рынка, в том числе региональных рынков труда и миграционных процессов. Г. Стэндинг подчеркивает критически негативную интерпретацию неологизма «прекариат» как специфического социального класса, который образуется индивидами с низким уровнем экономического и социального капитала, страдающими от так называемой прекарности, что означает более непредсказуемые условия не только труда, но и самой жизни [6]. В отличие от пролетариата XIX–XX вв., который не имел собственных средств производства и поэтому, чтобы жить, продавал свой труд, представители класса прекариата в современных обществах лишь частично вовлечены в трудовые отношения и должны заниматься неоплачиваемой деятельностью, которая является обязательным условием, если они хотят сохранить доступ к своим рабочим местам и достойной оплате труда. Последнее оказывает воздействие на материальное благосостояние и психологические паттерны представителей прекариата. Классические примеры такой неоплачиваемой трудовой деятельности связаны с постоянным поиском работы (включая подготовку и посещение собеседований), а также с постоянной реакцией на призывы о дополнительной трудовой нагрузке («подработке»). Согласно Г. Стэндингу, отличительной чертой класса прекариата является отсутствие гарантий занятости, включая периодическую занятость или неполную занятость и, как следствие, отсутствие/ограниченность социальной защиты и социальных гарантий. В этом контексте речь идет о постепенном смещении рабочих с главной позиции в структуре трудовой деятельности и формировании масштабной социальной группы со своей специфической субъектностью. Российский исследователь Ж. Т. Тощенко отмечает, что процесс прекаризации, главным образом, реализуется в силу формирования специфической социально-экономической основы социума как «общества травмы», для которого характерен затяжной социально-экономический кризис и нестабильность ключевых оснований его функционирования [7]. Последующие изменения закономерно влияют на эволюцию социально-классовой структуры общества, на трансформации как внутри отдельных социально-профессиональных групп, так и на общество в целом. Ж. Т. Тощенко рассматривает происходящие соци-

альные модификации, связанные с трудовой деятельностью, с алармистской позиции. На его взгляд, представители precariousного слоя воспроизводят типические черты рабочих XVIII в.: «Прекарии представляют собой огромную массу людей, которые, с одной стороны, сохраняют существенные признаки эксплуатируемого класса, с другой – занимают в общественном производстве неустойчивое, нестабильное социальное положение, которое носит не временное, а длительное состояние. У этих людей нет уверенности в своей необходимости обществу, в своём праве претендовать на занятость по своей или смежной профессии, на социальную защищённость, на гарантированное будущее» [7, с. 272].

В целом, можно говорить не только о прекаризации рабочего класса, но и о формировании социального тренда на кризис труда, а точнее на деформацию устоявшейся модели трудовых отношений наряду с изменением в самом определении того, каким должен быть трудовой процесс. На повестку дня выходит проблематизация самой переходности социума к пост-трудовому и цифровому измерению. Последствия этой переходности связаны с формированием новых аспектов уже цифрового труда (оплачиваемого и неоплачиваемого), отчуждения и эксплуатации. Происходит столкновение базовых парадигм современной общественной системы: капиталистическая рамка в совокупности с максимально расширяющимся диапазоном потребительских мотиваций и возможностей с ее исключительно утилитарным отношением уже не стыкуется с парадигмой личностной автономии и свободы выбора в условиях, когда выбор фактически ограничивается новым кругом отчуждения, усиления ограничений и зависимости индивида от внешних кризисных факторов социальной реальности. Так, З. Бауман вполне резонно заметил, что так называемая «грубая экономическая интерпретация человеческого мира» не позволяет объективно очертить границы личностного, не дает возможности учитывать активно формирующиеся запросы индивида на продвижение своих экзистенциальных потребностей и их реализацию [4, с. 126]. Потребность в продвижении своего личностного потенциала, в активном саморазвитии на сегодняшний день по сравнению с другими историческими периодами беспрецедентно доминирует. С одной стороны, работа (как любая трудовая занятость) больше не является абсолютной ценностью, и тем более бессмысленная, нецелесообразная, неинтересная работа. Но с другой, наблюдается кардинальный сдвиг в сторону обязательной профессионализации субъекта, в формировании обязанности получить статус специалиста, эксперта, сертифицированного работника. Таким образом, если резюмировать, ««Индивид как личность» становится «профессиональным индивидом», наемным работником, который непрерывно трудится (чтобы жить) и которому отказано в свободном и универсальном развитии» [2]. Можно сказать, что одним из атрибутивных признаков современной социодинамики является формирование различных социальных запросов и стереотипов, связанных с изменениями не только социально-экономического характера, но и ценностно-нормативного плана.

Так, ряд исследователей динамики аксиологического статуса социальных ценностей акцентирует внимание на глобальной эволюции базовых ценностных установок в современных обществах [8]. Речь идет о масштабном смещении от традиционных ценностей к их установкой на ценности выживания к светско-рациональным ценностям с вектором на самовыражение и, прежде всего, самоценность человека. В том числе на основании приоритета эмансипативных ценностей меняются механизмы и принципы согласования интересов различных социальных групп и общностей. Последнее приводит к запуску процессов перехода от тотальной человеческой эксплуатации к общей эмансипации человечества [8]. В этой противоречивой социодинамике так же следует учитывать фактор смены поколений. Согласно широко известной концепции новых поколений У. Штрауса и Н. Ховуа, сегодня на рынке труда основной состав активных и потенциальных работников – это представители поколения «Y». Они рождены в период с 1983 по 2002 г., и поэтому данная возрастная группа часто маркируется как «миллениалы». В отличие от предшествующего поколения «X», поколение «Y» характеризуется кардинально иными социально-культурными установками и ценностями. Например, «представители поколения «Y» отличаются от своих предшественников полным – или почти полным – отсутствием иллюзий, связанных с работой, холодным отношением к должности, которая есть у них сегодня, и к компаниям, которые им ее предлагают, а также твердым убеждением, что жизнь «проходит мимо», и сильным желанием прожить ее иначе» [4, с. 255]. Объективно аксиологический статус труда трансформируется, обретает новые характеристики, при этом все еще маркируется как значимый, но не попадает в рамку первичной приоритизации в индивидуальной биографии. Для современного человека успешная трудовая деятельность может быть описана в метафорическом ключе как буквально «работа мечты», дающая не только материальное удовлетворение, но и духовное, личностное развитие, смысл жизни, возможность реализовать свой человеческий потенциал, приносящая пользу, осознание своей ценности. То есть сегодня, когда мы говорим о трудовой занятости, мы должны учитывать этот поворот в убеждениях и мотивации субъекта как потенциального трудящегося в сторону труда не в целях выживания, а для личностной реализации, самовыражения, осуществления своего вклада во что-то лично значимое, что не обязательно связано с коллективным благом и социальным долженствованием. Можно сказать, что утилитарное мышление и технократическая враждебность к человеческой ценности и автономии стали катализаторами кардинального сдвига в ценностно-нормативной парадигме современных обществ. Трудовая деятельность как социальный процесс профессиональной и квалифицированной занятости или практики оказывается выключенной из сферы моральной оценки и усиленно нормированного паттерна социально приемлемого поведения индивидов в обществе. Больше не существует строгой морализаторской рамки, которая регламентирует труд в соответствии с идеологемой «*homo faber*» – не рабо-

тающий индивид не подвергается осуждению, общественному порицанию, не испытывает давления общества, социальной группы. Безработный – не звучит больше как синоним маргинализованного субъекта, как социальная стигма, дискриминирующая не только личностный выбор, но и ситуативное положение индивида.

В заключение следует отметить, что глобальные изменения рынка труда, стремительная диверсификация трудовых отношений, формирование новых форм трудовой занятости, модификации трудового поведения и т. д. – все это в совокупности ведет к значительным социальным, экономическим, культурным последствиям как в глобальном, так и национальном срезе. Во многом преобладающие сегодня в обществе ключевые убеждения и мотивации определяются многофакторным развитием цифровой среды. Стремительное развертывание цифровой экономики, базовые детерминанты которой как потенциально, так и практически вносят свои коррективы в основные аспекты модернизации общества, позволяет эксплицировать особенности развития сферы труда и акцентировать ее проблемный характер в долгосрочной перспективе. Высокая динамика развития различных технологических индустрий и сфер маркирует собой соответствующее возрастание социальных рисков, связанных с трудовой занятостью.

В целом, различные версии социально-философской проблематизации современного мира труда представляются взаимосвязанными. Главным образом, они формируют актуальные версии идентичностей, социальные позиции и неравенства, отражают новые формы отчуждения, маркируют этические, ценностно-смысловые, эпистемические принципы функционирования современных обществ. В свою очередь, теоретический тренд на разработку концепта посттрудового общества может быть рассмотрен как альтернативный вектор в исследованиях социодинамики, позволяющий скорректировать ориентиры и приоритеты социальных систем на этапе их глобального перехода к цифровому порядку. Особое значение обретает тема нейронных сетей, их возможностей и перспектив не только в сфере труда, автоматизации рабочих процессов и алгоритмов, но и в целом в общественном развитии, в реализации его цифрового вектора. Трансформируется статус трудового поведения в социальной системе и, как следствие, социально-трудовые практики индивида в целом. Меняется нормирование труда, социально-экономические гарантии становятся более подвижными. Как следствие возникает запрос в плане теоретического осмысления концепта «достойный труд» как отражение стремительно меняющихся социальных, экономических, культурных детерминант, включенных в реализацию трудовой деятельности.

Список использованных источников

1. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; пред. науч.-ред. совета В. С. Степин. – 2-е изд., испр. и доп. – Т. IV. – М.: Мысль, 2010. – 736 с.

2. Джохадзе, И. «Homo faber и будущее труда» [Электронный ресурс] / И. Джохадзе. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/logos/2004/6/homo-faber-i-budushhee-truda.html>. – Дата доступа: 10.02.2024.

3. Сидорина, Т. Ю. Цивилизация труда: заметки социального теоретика / Т. Ю. Сидорина. – СПб.: Алетейя, 2014. – 400 с.

4. Бауман, З. Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности / З. Бауман, Л. Донскис; пер. с англ. А. И. Самариной; науч. ред. Т. Н. Раков. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. – 368 с.

5. Багдасарьян, Н. Цифровое общество и дискурсы постгуманизма / Н. Багдасарьян, А. Кравченко // Логос. – Т. 32, № 6. – 2022. – С. 245–272.

6. Стэндинг, Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.

7. Тощенко, Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу / Ж. Т. Тощенко // Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. – М.: Наука, 2018. – 350 с.

8. Welzel, C. Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation / C. Welzel. – Cambridge University Press, 2014. – 472 p.

(Дата подачи: 28.02.2024 г.)

И. Н. Сидоренко, Г. А. Личевский

Белорусский государственный университет, Минск

I. N. Sidorenko, G. A. Lichevsky

Belarusian State University, Minsk

УДК 1(091)+378

ТЕОРИИ ГЕГЕМОНИИ А. ГРАМШИ В КОНТЕКСТЕ РУССКОГО НЕОМАРКСИЗМА

A. GRAMSCI'S THEORY OF HEGEMONY IN THE CONTEXT OF RUSSIAN NEO-MARXISM

В настоящем исследовании авторы обращаются к идейному наследию А. Грамши как основоположника неомарксистской парадигмы XX в. Исходя из фундаментального характера идей итальянского мыслителя, получивших новое содержательное выражение на разных этапах эволюции социально-политической теории, прослеживаются основные пути рецепции и адаптации «теории гегемонии» А. Грамши в контексте социально-политической идей представителей русского неомарксизма, в частности Л. Д. Троцкого и Н. И. Бухарина, а также обосновывается их значимость для осмысления социально-политических культурных вызовов современности.

Ключевые слова: гегемония; идеология; исторический материализм; культура; неомарксизм; капитализм.

In this article, the authors refer to the ideological legacy of A. Gramsci as the founder of the neo-Marxist paradigm of the twentieth century. Based on the fundamental nature of the ideas